

**Традиции воспитания личности в творчестве М.Н. Муравьева и С.Т. Аксакова:
«Обитатель предместья» и «Семейная хроника»**

В творчестве С.Т. Аксакова ярко проявляются преемственные связи с литературой и культурой XVIII века, в частности традиции сентиментализма. М.Н. Муравьев не входил в официальный круг чтения С.Т. Аксакова, в который традиционно включают М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, В.В. Капниста, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина. Этот вопрос, как и вопрос о традициях предшествующей литературы в творчестве С.Т. Аксакова рассмотрен в кандидатской диссертации Л.К. Ишкиняевой «С.Т. Аксаков и традиция XVIII столетия» (2011).

Рассматривая творчество С.Т. Аксакова в контексте традиций с предшествующей литературой, необходимо определить «унаследовал ли он традиции прошлого или шел собственным путем?». Отвечая на этот вопрос литературовед Любовь Александровна Сапченко, замечает: «Свобода от литературных клише органически была присуща С.Т. Аксакову. Однако воссоздание действительности предполагало также воскрешение самого образа мыслей людей ушедшего века, причем в формах, данных временем...» [Сапченко 2011: 237].

Показательно в этом отношении наиболее известные и изученные произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Из «Воспоминаний». Традиционно их рассматривают в контексте автобиографической прозы Н.М. Карамзина. В нашей статье мы обратимся к типологическому сходству повести М.Н. Муравьева «Обитатель предместья» и автобиографических записок «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

Традиции исследования процесса формирования нравственных и духовных качеств личности молодого человека в русской литературе восходят к творчеству М.Н. Муравьева и Н.М. Карамзина («Рыцарь нашего времени»). Показательна в этом плане повесть «Обитатель предместья», в которой М.Н. Муравьев, по замечанию И.С. Абрамовской «... создает свою идиллию – утопию, воплотившую нравственный, этический идеал и идеал государственного устройства» [Абрамовская 2003].

Вслед за М.В. Ивановым следует отметить, что, как и в творчестве А.С. Пушкина, в художественном мире М.Н. Муравьева и С.Т. Аксакова сентиментальная модель стала «элементом философского осмысления жизни» [Иванов 1992:175]. Это мы наблюдаем в сходстве сентиментального идеала, воплощенного в произведениях М.Н. Муравьева и С.Т. Аксакова, в постановке вопросов духовности и веры, в воплощении сентиментального идеала, состоящем в выборе жизни в гармонии с природой, в уединении сельской жизни, в отношении к семье, к чтению.

Этический идеал проявляется в изображении «малого мира» как «большого». В «Обитателе предместья» создается идиллическая картина сельской жизни: «Не выезжая из города, пользуются всеми удовольствиями деревни затем, что живу в предместии. Я вижу жатву из окошка. С восхождением солнца земледелец жнет неумоимо полосу свою и связывает в снопы. Косцы, поставленные строем один за другим, вместе возносят и опускают косы свои. Какой приятный запах от сена, разбросанного на лугу! С каким удовольствием, когда скажу трудолюбивым поселянам, проходя мимо них: «Бог помочь, друзья!» – они отвечают мне: «Спасибо, добрый барин!». Мой домик очень мал и невиден, но не променяю его на великолепные здания, восходящие к облакам и поддерживаемые столпами» [Муравьев 1977: 70].

В автобиографических записках С.Т. Аксакова наблюдаем такую же идиллическую картину. «В поле Степан Михайлович был всем доволен. Он осмотрел отцветающую рожь, которая в человека вышиною, стояла как стена; дул легкий ветерок, и сине лиловые волны ходили по ней, то светлее, то темнее отражаясь на солнце. Любо было глядеть хозяину на такое поле! (...) «Ну, Ариша, – весело сказал дедушка, – какие хлеба дает нам бог! Велика милость господня!» [Аксаков 1987: 26].

В «Семейной хронике» события происходят на фоне прекрасного пейзажа: «Как живописны и разнообразны, каждая в своем роде, лесная, степная и гористая твоя полоса, особенно последняя, по скату Уральского хребта, всеми металлами богатая, золотиносная полоса! Какое пространство от границ Вятской и Пермской губерний, где по зимам не в редкость замерзание ртути, до Гурьева городка на границе Астраханской губернии, где растет мелкий виноград на открытом воздухе, чихирем которого прохлаждаются в летние жары, греются зимою и торгуют уральские казаки!...» [Аксаков 1987: 16].

В «Детских годах Багрова-внука» представлен годовой цикл в описании крестьянского труда (весенняя посевная, уборочная страда, картины жатвы, молотбы гречихи), в котором проявляются наиболее ярко преемственные связи: «На одной из десятин был расчищен ток, гладко выметенный, на нем, высокую грядой лежала гречневая солома, по которой ходили взад и вперед более тридцати цепов. Я долго с изумлением смотрел на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мерных и быстрых ударов привел меня в восхищение. Цепы мелькали, взлетая и падая друг возле друга, и ни один не зацеплял за другой, между тем как бабы не стояли на одном месте, а то подвигались вперед, то отступали назад. Такое искусство казалось мне непостижимым!» [Аксаков 1987: 310].

В произведениях С.Т. Аксакова сельская идиллия изображается реалистическими средствами, в них мы наблюдаем не только противопоставление городской и сельской жизни, но и сознательный выбор героев. В частности, отца Сергея – Алексея Степановича, который считал своим долгом вернуться после смерти своего отца в родовое имение: «Он говорил, что «без хозяина скоро портится порядок и что через несколько лет не узнаешь ни Старого, ни Нового Багрова» [Аксаков 1987: 286]. Показа-

тельно, что в автобиографической летописи С.Т. Аксакова происходит дифференциация героев через их отношение к природе. Так, любовь к природе сближает отца и сына Багровых: «Я уже начинал сильно любить природу, охота удить также сильно начинала овладевать мною и приближение весны волновало сердце мальчика (будущего страстного рыбака), легко поддающегося увлечениям» [Аксаков 1987: 286].

В то же время любящая, образованная мать Сережи не любит природу, сельскую жизнь, не одобряет страсть мужа и сына к охоте и рыбалке, она не может принять жизнь вдали от светского общества. Показательно, что это часто становится поводом для отдаления сына от матери, хотя в целом у них очень доверительные взаимоотношения. В «Детских годах Багрова-внука» можно наблюдать, как постепенно взрослея, социализируясь, очень честный по природе своей мальчик, учится говорить частичную правду, умалчивать негативную информацию, чтобы не огорчать мать, чтобы не навлечь наказание слугам: «Я с восторгом описывал крестьянские работы и с огорчением увидел, уже не в первый раз, что мать слушала меня очень равнодушно, а мое желание выучиться крестьянским работам назвала ребячьими бреднями...» [Аксаков 1987: 311]. Совершенно другая реакция у отца: «Когда воротился отец, мы с ним досыта наговорились о крестьянских работах. Отец уважал труды крестьян, с любовью говорил о них, и мне было очень приятно его слушать, а также высказывать мои собственные чувства и детские мысли» [Аксаков 1987: 311].

Воссоздание в реалистическом произведении сентиментальной модели, в центр которого поставлен образ формирующейся личности ребенка, позволяет С.Т. Аксакову с одной стороны ярче показать поэзию сельской жизни, с другой – поставить и острые социальные вопросы: прежде всего взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян. Многие вопросы наблюдательного и любознательного ребенка остаются на страницах автобиографической летописи без ответа: «Я заметил, что наш кулич был гораздо белее того, каким разгавливались дворовые люди, и громко спросил: «Отчего Евсеич и другие кушают не такой же белый кулич, как мы?» Александра Степановна с живостью и досадой отвечала мне: «Вот еще выдумал! Едят и похуже». Я хотел было сделать другой вопрос, но мать сказала мне: «Это не твое дело» [Аксаков 1987: 351].

Преемственные связи автобиографических произведений С.Т. Аксакова с повестью «Обитатель предместья» М. Н. Муравьева проявляются и в *вопросах духовности и веры*. В «Обитатели предместья» воплощением духовной чистоты и добродетели является священник «старый и почтения достойный человек», дающий своим прихожанам благоразумные советы, позволяющим им ощущать себя счастливыми людьми: «ибо он научил на находить счастье в добродетели и исполнении должностей наших, а не в удовольствовании ежечасных прихотей, которые никогда не кончатся» [Муравьев 1979: 71].

В обоих произведениях герои, не соблюдающие законы божьи, оказываются несчастными, несут моральное наказание. В «Обитателе предместья» Неслетов после

смерти жены Софьи, несправедливо им оскорбленной, искренне раскаивается и наказывает себя отдалением детей. В «Семейной хронике» С.Т. Аксаков идею неминуемого наказания за греховные деяния показывает на примере судьбы Михаила Максимовича Куролесова, убитого своими дворовыми. В автобиографических записках герои все дела сопровождают молитвой, В минуту отчаяния молитва перед образом Смоленской божией матери спасла мать Сережи Софью Николаевну от самоубийства («Семейная хроника») [Аксаков 1987: 67]. Показательно размышление главного героя о великой духовной силе веры: «Отец возразил: «Как быть, воля божья...» – и суровый жнец ласково отвечал: «Вестимо так, батюшка!» Впоследствии понял я высокий смысл этих простых слов, которые успокаивают всякое волнение, умирят всякий человеческий ропот и под благодатную силою которых до сих пор живет православная Русь. Ясно и тихо становится на душе у человека, с верою сказавшего и с верою услышавшего их» [Аксаков 1987: 298 – 299].

В произведениях М.Н. Муравьева и С.Т. Аксакова утверждается *сентиментальный идеал*, состоящий в нравственном выборе жизни в гармонии с природой, в уединении сельской жизни, который соответствует душевному состоянию героя. Так, герой повести «Обитатель предместья» замечает: «Я имею приятелей, потому что без дружества человеку жизнь была бы неприятна. Как можно жить одному! Любить только самого себя! Никому не быть полезну!... Нет, чувствуют живо в сердце моем, что человек сотворен для общества: я получаю от него столько выгод! Оно имело попечение о воспитании моем, оно меня покровительствует, защищает от насилия неприятелей оружием, от обид согражданина моего – законами....» [Муравьев 1979: 71].

В «Семейной хронике» по традиции, восходящей к сентиментальной прозе и к повести «Обитатель предместья» как одна из высших ценностей представляется семейная жизнь, рисуется обретение счастья в любви и дружбе с родителями, братьями и сестрами, родными, помещики и крепостные представляются как большая семья. В семье Сережа Багров растет в атмосфере любви. Мать более эмоциональна, чувствительна в самых лучших традициях сентиментализма, сын ей отвечает тем же: «Ты не в чем не принимал участия, ты забыл, что у тебя есть мать. И слезы показались у ней на глазах. В самое сердце уколол меня этот упрек. Я уже смутно чувствовал какое-то беспокойство совести; вдруг точно пелена спала с моих глаз. Конечно, я не забыл, что у меня была мать, но я не часто думал о ней. Я не спрашивал и не знал, в каком положении было ее слабое здоровье. Я не делился с ней в это время, как бывало всегда, моими чувствами и помышлениями, и мной овладело угрызение совести и раскаяние: я жестоко обвинял себя, просил прощения у матери и обещал, что этого никогда не будет. Мне казалось, что с этих пор я стану любить ее еще сильнее. Мне казалось, что я до сих пор не понимал, не знал ей всей цены, что я не достоин матери, которая несколько раз спасла мне жизнь, жертвуя своею. (...) Подстрекая друг друга, мы с матерью предавались пламенным излияниям взаимного раскаяния и восторженной любви; между нами исчезло расстояние лет и отношений, мы оба иступленно плакали и

громко рыдали. Я раскаивался, что мало любил мать; она – что мало ценила такого сына и оскорбила его упреком...» [Аксаков 1987: 358]. В то же время С.Т. Аксаков в отличие от писателей-сентименталистов дает и объективную оценку описанной в ретроспективе сцене через восприятие отца: «Охота вам мучить себя понапрасну из пустяков и расстраивать свое здоровье. Ты еще ребенок, а матери это грех. Ушатом холодной воды облил меня отец. Но мать горячо заступилась за наши чувства и сказала много оскорбительного и несправедливого моему доброму отцу! Увы! Несправедливость оскорбления я понял уже в зрелых годах, а тогда я поверил, что мать говорит совершенную истину и что у моего отца мало чувств, что он не умеет так любить, как мы с маменькой любим» [Аксаков 1987: 358]. Автор не декларирует чувственность отца Сережи, а показывает на конкретных примерах. Например, мать, воспитанная в городе, не понимает состояния своего сына, восхищенного пробуждающейся весной природой. А Алексей Степанович сам испытывает подобное же чувство радости: «...отец сочувствовал мне больше. Он ходил со мной подглядывать за птичками в садовых кустах и рассказывал, что они завивают уж гнезда. (...) Как он был доволен, увидя в первый раз медуницу! Он научил меня легонько выдергивать лиловые цветки и сосать белые, сладкие их корешочки...» [Аксаков 1987: 356].

В трилогии С.Т. Аксакова демонстрируется и *моделирующая функция семьи* по отношению к нации, государству, сословию. Отец Сережи показан в ежедневных трудах и заботах по ведению сельского хозяйства, в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» показаны годовой цикл сельскохозяйственных работ, подчеркивается семейная традиция в правильном ведении хозяйства, идущую еще от деда Степана Михайловича. Характерен финал третьей части аксаковской трилогии «Из «Воспоминаний», в которой с одной стороны отдается дань необходимости обучения в учебных заведениях, но с другой стороны приветствуется возвращение в свое имение, на лоно природы, как к непреходящим ценностям: «Я, по крайней мере, за все, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Я убежден, что у того кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему не достает некоторых, не испытанных в юности ощущений, что жизнь его не полна...» [Аксаков 1987: 459]. В то же время жизнь в сельской местности воспринимается как залог духовной свободы человека.

Мысли о заслуженном отдыхе в родном доме на лоне природы есть и в повести «Обитатель предместья» М.Н. Муравьева: «Сколь приятно отдохновение, когда вкушаешь его после трудов своей должности! Самые простые и ежедневные забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься к ним с покойною совестью.

При окончании такого дня с умилением возвращаюсь в мою хижину. В ней, кажется, нашел бы я счастье, если бы уже не имел его в моем сердце. Тут уединяюсь, вхожу в самого себя, вопрошаю в безмолвии сердце мое о всех его движениях, о всех помыслах, действиях, поступках и, ежели найду подозрение худого дела, кроющегося

в глубине сердца, краснеюся и приемлю твердое намерение исправить себя» [Муравьев 1979: 71].

В произведениях М.Н. Муравьева и С.Т. Аксакова провозглашается культ чтения, в центре повествования *читающий герой*. В «Обитателе предместия» подчеркивается, что книга должна быть «полезная и приятная»: «повести прошедших веков и трогательные истины нравоучителей» [Муравьев 1979: 72]. В «Детских годах Багрова-внука» мы узнаем о круге чтения ребенка конца XVIII – начала XIX веков: «полезное и приятное чтение» для ребенка в журнале «Детское чтение для сердца и разума», «Древняя Вивлиофика», «Россияда» М.М. Хераскова, полное собрание сочинений А.П. Сумарокова: «Заглянув в «Вивлиофику», я оставил ее в покое, а «Россияду» и сочинения А.П. Сумарокова читал с жадностью и с восторженным увлечением... Самое любимое занятие было читать вслух «Россияду» и получать от матери разные объяснения на непонимаемые мною слова и целые выражения. Я обыкновенно читал с таким горячим сочувствием, воображение мое так живо воспроизводило лица любимых героев: Мстиславского, князя Курбского и Палецкого, что я как будто видел и знал их давно: я дорисовывал их образы, дополнял их жизнь и с увлечением описывал их наружность: я подробно рассказывал, что они делали перед сражением и после сражения, как советовался с ними царь, как благодарил их за храбрые подвиги, и прочая, прочая...» [Аксаков 1987: 261].

Дополняет сведения о круге чтения Сережи следующий диалог: «Ну, Сережа, – так начинал он (Петр Иванович Чичагов) свой разговор, как поживают старикашки Сумароков, Херасков, Ломоносов? Что поделявает Карамзин с братией новых стихотворцев?» Это значило, чтоб я начинал читать наизусть заученные мною стихи этих писателей. Петр Ильич над всеми подсмеивался, даже над Ломоносовым, которого, впрочем уважал. Горячо хвалил Державина и в то же время подшучивал над ним; одного только Дмитриева хвалил, хотя не горячо, но безусловно; к сожалению, я не знал ни того, ни другого» [Аксаков 1987: 366]. Тот же Петр Иванович подарил Сереже два тома арабских сказок «Тысяча и одна ночь»: «Шехерезада свела меня с ума» [Аксаков 1987: 312]. Мать сомневалась в полезности сказок в образовании ребенка.

Таким образом, при безусловной, оригинальности творчества С.Т. Аксакова, сопоставляя повесть «Обитатель предместия» М.Н. Муравьева и произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Из «Воспоминаний» с точки зрения обращения к традициям воспитания личности, отраженных в произведениях сентименталистов, мы наблюдаем преемственность в воплощении сентиментального идеала, состоящем в выборе жизни в гармонии с природой, в уединении сельской жизни, в отношении к семье, культе чтения, в высокой оценке роли духовности и веры в жизни человека.

Литература

Аксаков С.Т. Избранное / сост. И примеч. А.Л.Осповата. – М.: Моск. Рабочий, 1987. – 544 с.

Муравьев М.Н. Обитатель предместья // Русская сентиментальная повесть. – М., 1978. – С. 70 – 89.

Абрамовская И.С. Художественная проза М.Н.Муравьева // [эл. ресурс]/ Портал edu.novgorod.ru Электрон дан. Dataeducat, 2003. Режим доступа: <http://www.edu.novgorod.ru>

Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. – СПб.: Содействие, 1993. – 336 с.

Ишкиняева Л.К. Творчество С.Т.Аксакова и литературная традиция XVIII столетия. дис...к.ф.н. 10.00.01. – Ульяновск, 2011. – 188 с.

Сапченко Л.А. Превращения бабочки // Третьи Аксаковские чтения. Материалы межвузовской науч. конф. (Ульяновск 21-24 сентября 2011 года) / Сост. Л.А.Сапченко. – Ульяновск: Изд. А.В.Качлин, 2011. – С. 237 – 247.

В.В.Биткинова

Саратов, Саратовский государственный университет имени Н. Г.Чернышевского

Литераторы XVIII века в субъективной мифологизации Виктора Сосноры (по книге В.Овсянникова «Прогулки с Соснорой»)

Книга В.Овсянникова «Прогулки с Соснорой» представлена самим автором как записи разговоров, ведшиеся на протяжении тридцати лет (с 1978 по 2008 г.) по памяти. Подчёркивая своё стремление к максимально точному воспроизведению речей «учителя», В.Овсянников, тем не менее, оговаривает в предисловии: «Я *так* их слышал и *так* записал. Неизбежно получается моя авторская интерпретация, моя авторская призма» [Овсянников 2013: 8]. В аннотации и предваряющей книгу статье Е.Лукина её жанровая природа определяется словами «литературное произведение в форме дневника», «своеобразный дневник-роман» [Лукин 2013: 5]; А.Медведев называет «Прогулки» «романом-монологом» и пытается описать весьма, по его мнению, тонкие авторские приёмы («касания»), создающие «условный» образ героя [Медведев 2014], хотя К.Корчагин, наоборот, критикует Овсянникова за «отказ от работы с материалом», «избыточную» «меру тщательности» [Корчагин 2015: 199].

При избранной автором системе подачи неизбежны противоречия в представленных суждениях (особенно много их в оценках личности и творчества А.С.Пушкина). Говорить об эволюции взглядов Сосноры здесь, по-видимому, не приходится (К.Корчагин даже отмечает, что его монологи «часто кажутся чуть ли не механическим воспроизведением тех идей, вербальное воплощение которых было “отточено” за годы разговоров о словесности <...> Ахматова называла такие истории “пластинками”» [Корчагин 2015: 200]). Важнее – фактор окказиональности, зависимости высказывания от контекста разговора, но, к сожалению, В.Овсянников в редких